
ФИЛОСОФИЯ*(шифр научной специальности: 09.00.11)*

УДК 101

А.А. Лагунов, Ю.Н. Сотникова*Северо-Кавказский федеральный университет**г. Ставрополь, Россия*

emaillag@mail.ru; s.n.julia@inbox.ru

**ПАДЕНИЕ УРОВНЯ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ
КАК ФАКТОР РЕВОЛЮЦИИ*****[Aleksey A. Lagunov, Yulia N. Sotnikova Falling of the level
of Russian public legal consciousness as a factor of revolution]***

It is analyzed the causes of the Russian revolution of 1917, while focusing on the state of public consciousness and, accordingly, the public legal consciousness in the pre-revolutionary years. Arguments are made in favor of considering the current revolutionary situation as a result of the destructive influence on social consciousness of socially utopian ideologies. It is concluded that the most important factor of the Russian revolution is the fall in the level of public sense of justice. The latter should be considered not only as a phenomenon arising from the reification of the processes of comprehension and acceptance or rejection of positive law, but also as a creative source of this right itself, as a living organ of law and order and political life. With the loss of the evolutionary continuity of public justice, revolutionary changes that are catastrophic for social structures become possible.

Key words: public consciousness, social justice, revolution, Russian socialism, ideology.

Недавно отмеченное нами столетие русской революции было ознаменовано многочисленными тематическими публикациями и конференциями различного уровня, однако однозначных ответов на вопросы о причинах этой революции и ее итогах они не дали – что, наверное, и невозможно при анализе такого многофакторного и полиаспектного феномена. Обращает на себя внимание, что из характеристик русской революции сегодня почти исчез термин «социалистическая», а ведь по духу она была именно такой, даже несмотря на то, что в первоначальной теории социализм рассматривался только в качестве переходного этапа от капитализма к коммунизму. Во всяком случае, революция была антибуржуазной и антимоноархической по преимуществу.

При осмыслении произошедшего нельзя не согласиться с тем, что революция являлась типично русским событием – не без влияния западных идей, разумеется. Более того, она предсказывалась отечественными мыслителями задолго до того, как сделалась историческим фактом. К.Н. Леонтьев за многие десятилетия до ее начала писал о неотвратимости социализма – «глубокого и отчасти насильственного экономического и бытового переворота». Он предупреждал, что «социальный переворот не станет ждать личного воспитания, личной морализации всех членов будущего государства, а захватит общество в том виде, в каком мы его знаем теперь. А в этом виде, кажется, очень еще далеко до бесстрастия, до незлобия, до общей любви и до правды... испытавши все возможное, даже и горечь социалистического устройства, передовое человечество должно будет неизбежно впасть в глубочайшее разочарование...» [7, с. 404]. Обратим внимание на фразу: переворот «захватит общество в том виде, в каком мы его знаем теперь». И далее идет конкретизация – поскольку обществу далеко до отрицания своих негативных черт, оно является по преимуществу страстным, злобным, не любящим и неправдивым. Конечно, пессимизм К.Н. Леонтьева широко известен, но в данном случае мы должны внимательно прислушаться к его словам – пусть и несколько сгущая краски, он честно писал о том обществе, которое знал не понаслышке.

К.Н. Леонтьев явно полемизирует с тезисом Ф.М. Достоевского о «сердцевине» русской души, «жажде правды», неутоленной, однако сохраненной, во многом благодаря православной вере: «Вся глубокая ошибка социалистов в том, что они не признают в русском народе церкви. Я не про здания церковные теперь говорю и не про причты, я про наш русский социализм теперь говорю... Я говорю про неустанную жажду в народе русском всегда в нем присутствующую, великого, всеобщего, всенародного, всебратского единения... Я желал бы только, чтоб поняли беспристрастно, что я лишь за народ свой стою прежде всего, в его душу, в его великие силы, которых еще никто из нас не знает во всем объеме и величии их, как в святыню верую... И жажду лишь одного: да узрят их все. Только что узрят, тотчас же начнут понимать и все остальное. И почему бы все это мечта?...» [8, с. 535].

Ф.М. Достоевский в своих публикациях всегда страстно выступал против «математиков» от социализма [3], не желавших знать «живого пути» народа,

против безумных идей «превращения камней в хлебы», уверяющих в возможности покончить со всеми социальными проблемами путем обеспечения материального благополучия. Его идея «русского социализма» призвана была сочетать материальную справедливость и духовный опыт народа, аккумулируемый в православии. В ней слышен отголосок идеала симфонии властей, когда-то столетиями цементирувавшего российскую государственность – церковь не только воспитывает нравственно народ, поскольку церковь и есть народ, она возвышает и его, и государство до нового, не бывшего ранее состояния, об этом писатель говорит устами своего героя, старца Паисия: «По русскому же пониманию и упованию надо, чтобы не церковь перерождалась в государство, как из низшего в высший тип, а, напротив, государство должно кончить тем, чтобы сподобиться стать единственно лишь церковью и ничем иным более. Сие б́уди, б́уди!» [2, с. 58].

Исторически пессимизм К.Н. Леонтьева восторжествовал над оптимизмом Ф.М. Достоевского: «русский социализм» не наступил, произошла «русская революция», внезапный «экономический и бытовой переворот», о котором уже после него, в эмиграции, о. Г. Флоровский писал (содержательно почти то же, что и у предсказавшего переворот К.Н. Леонтьева, но в более жесткой терминологии): «В революции открылась жесткая и жуткая правда о русской душе, открылась вся эта бездна неверности и давнего отпадения, и одержимости, и порчи. Отравлена, и взбудоражена, и надорвана русская душа» [11, с. 653]. Но значит ли это, что истина была и есть на стороне К.Н. Леонтьева, а у Ф.М. Достоевского – только фантазии? Возможен ли вообще «русский социализм»? Мы, конечно, знаем, что история не терпит сослагательного наклонения, однако, если исходить из персоналистского подхода, она и не детерминируется однозначно, имея альтернативные пути своего развития, выбираемые нами, личностями. Поэтому «русский социализм» Ф.М. Достоевского, на наш взгляд, не является его фантазией, а есть вполне реализуемый при определенных условиях социальный идеал (хотя бы частично, как это и подобает всякому идеалу). Во времена мыслителя православная идеология еще далеко не исчерпала свой потенциал, что можно сказать и о современности. Однако попытки возврата к этой идеологии, использования ее возможностей сегодня могут столкнуться с трудностями, которых раньше не было, поскольку обуслов-

лены эти трудности прошедшим столетним периодом идеологических конфликтов и метаморфоз, отложивших существенный отпечаток на российском общественном сознании.

В сложившейся же конкретной исторической ситуации 1917 года русский народ в большей своей части не только не показал свою православность, но, напротив, наглядно продемонстрировал на протяжении тысячелетия изгоняемые в подсознание антихристианские аспекты своей сущности, что предопределило и последующие жесточайшие гонения на Церковь. Н.С. Трубецкой эмоционально писал об этом: большевизм, «сняв маску и показав всем сатану в его неприкрытом виде, ...многих через уверенность в реальности сатаны привел к вере в Бога, ...глубоко перепахал русскую целину, вывернул на поверхность пласты, лежавшие внизу, а вниз – пласты, прежде лежавшие на поверхности» [9, с. 109]. Парадоксально, но мыслитель выделял в описываемых явлениях и положительные для будущего России моменты – рост православности в народе как результат гонений на церковь, эффект от революционной «социальной мобильности» и прочее.

Л.П. Карсавин видел в большевизме, понятийно различающимся им с коммунизмом, вполне органичное для русского народа явление, а именно – индивидуализацию «некоторых стихийных стремлений русского народа, часто в виде деформированной западной идеологии». Он полагал, что партия большевиков наилучшим образом выражает эти стремления, но при этом отмечал: «Не народ навязывает свою волю большевикам, и не большевики навязывают ему свою. Но народная воля индивидуализируется и в большевиках; в них осуществляются некоторые особенно существенные ее мотивы: жажда социального переустройства и даже социальной правды, инстинкты государственности и великодержавия» [5, с. 465]. Иначе, воля большевиков оказалась во многих моментах комплементарной воле народа. Снова мы видим концепт Ф.М. Достоевского – «жажду правды» в русском народе, из которой уже выводится не «великое, всеобщее, всенародное, всебратское единение», а желание социального переустройства, обусловливаемое инстинктами государственности и даже великодержавия, а это значит, что у Л.П. Карсавина акцент в этом концепте «по социалистически» переставлен на общественные институты, на государство, и места для церкви в нем почти не осталось. Это именно то, от чего так хо-

тел предостеречь Ф.М. Достоевский, но времена изменились, и доминировать в общественном сознании (и даже в личностных сознаниях религиозных мыслителей) уже стали совсем другие идеологии.

Становится ясным, что причины русской революции следует искать в глубинах русского духа, точнее, в тех деструктивных для этого духа идеологических влияниях на общественное сознание, усиливающихся, по крайней мере, с XVII века. Но и внутривнутриполитические события российской жизни нельзя сбрасывать со счетов. Их четко обозначил В.И. Ульянов (Ленин), характеризуя свои знаменитые признаки революционной ситуации: верхи не могут управлять по-старому («Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство»); низы не хотят жить по-старому («Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов» [6]); активность народных масс повышается. При наличии таких признаков общество может перейти из состояния революционной ситуации в состояние революции, для этого необходимо лишь наличие партии, способной революцию возглавить. И такая партия не замедлила появиться в России.

Новая революционная идеология распространилась в России как результат долгой сакрализации социально-утопических теорий, прежде всего марксизма, на «почве» российского общественного сознания. Она основывалась на приобретающей черты фанатической, не терпящей инакомыслия вере в способность человека своими силами построить счастливое будущее, опираясь на технику и рациональную организацию. Ее укоренению и быстрому распространению на обширных российских пространствах способствовал «основной факт», остроумно подмеченный Г.П. Федотовым: «Если нужно назвать один факт, – один, но *основной*, из многих слагаемых русской революции, – то вот он: на третий год мировой войны русский народ потерял силы и терпение и отказался защищать Россию. Не только потерял понимание цели войны (едва ли он понимал ее и раньше), но потерял сознание нужности России... Таков итог векового выветривания национального сознания» [10, с. 129].

Обратим внимание: тому, что русский народ перестал понимать нужность России, способствовало именно вековое выветривание национального сознания. Россия, православие, тем более самодержавие и государственность стали не нужны народу, утратившему (хотя бы и на недолгий срок) свою народ-

ность, а вместе с ней и патриотизм, и саму идентичность. Соответственно, и уровень общественного правосознания достиг «нулевой отметки». Поэтому крах российского государства был быстрым и необратимым. «Революция не восход, не заря, не начало нового дня, а закат» [1, с. 414], – печально резюмировал случившееся Н.А. Бердяев.

Общественное правосознание, которое И.А. Ильин называл «духовным органом» человека, следует понимать не только как формирующееся у человека отношение к уже существующему вне него праву, не только как следствие постижения и притягивания/непритягивания позитивного права (такое понимание традиционно), но, прежде всего – как *«творческий источник права, живой орган правопорядка и политической жизни. Каждый закон, каждый указ – возникает в правосознании и является его плодом – то зрелым, то незрелым, то полезным, то вредным. Каждый закон, возникнув из правосознания властвующих людей, обращается к правосознанию множества подчиненных людей...»* [5, с. 314]. Видно, что личностные правосознания философ разводит по двум уровням: правосознания представителей властной элиты, способных к непосредственному законотворчеству, и правосознания остального большинства граждан, не имеющих возможности прямо влиять на формирование правовых норм, однако обуславливающих, тем не менее, их жизнеспособность посредством притягивания, утверждения в общественном сознании или, наоборот, прямо или косвенно способствующих изменению позитивного права.

Как видим, перед русской революцией практически перестали функционировать оба уровня российского общественного правосознания, что и стало одним из важнейших факторов, предопределивших ход будущих событий. Долговременное падение уровня правосознания, наряду с процветанием коррупции и бюрократии, многочисленными случаями прямого предательства действующей власти высшими чиновниками, утяжелением условий существования народа вследствие Империалистической войны и ростом активности его антиправительственных выступлений, способствовало складыванию в России революционной ситуации. Тем не менее, известно, что всякий народ способен мобилизоваться на преодоление материальных трудностей, которые неминуемы при ведении государством войны – для этого ему необходима идеология, укрепляющая веру в справедливость своих дел, в то, что для обес-

печения будущей мирной жизни внешний враг должен быть побежден. Однако следует констатировать, что такая объединяющая народ идеология в России отсутствовала, точнее, имели место многие идеологии, но ни одна из них не смогла действительно консолидировать народную энергию.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Бердяев Н.А.* Новое средневековье // Русская идея. Сочинения. М.; СПб., 2005.
2. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы // ПСС. Т. 14. Л., 1976.
3. *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание // ПСС. Т. 6. Л., 1973.
4. *Ильин И.А.* Почему мы верим в Россию: Сочинения. М., 2006.
5. *Карсавин Л.П.* Философия истории. М., 2007.
6. *Ленин В.И.* Крах II Интернационала [Электронный ресурс] // <http://bml.ucoz.ru/vipusk7/KRAX2-INTERNATIONAL.htm> (дата обращения 07.07.2018).
7. *Леонтьев К.Н.* О всемирной любви // Храм и Церковь: Сочинения. М. 2003.
8. *Селезнев Ю.И.* Достоевский. М., 1981.
9. Мир России – Евразия: Антология. М., 1995.
10. *Федотов Г.П.* Собрание сочинений: В 12 т. Т. 2: Статьи 1920–30-х гг. из журналов «Путь», «Православная мысль» и «Вестник РХСД». М., 1998.
11. *Флоровский Г.В.* Пути русского богословия. М., 2009.

R E F E R E N C E S

1. *Berdyayev N.A.* New Middle Ages // Russian idea. Writings M.; SPb., 2005.
2. *Dostoevsky F.M.* The Karamazov brothers // PSS. Vol. 14. L., 1976.
3. *Dostoevsky F.M.* Crime and Punishment // PSS. Vol. 6. L., 1973.
4. *Ilyin I.A.* Why we believe in Russia: Works. M., 2006.
5. *Karsavin L.P.* Philosophy of history. M., 2007.

6. *Lenin V.I.* The collapse of the Second International [Electronic resource] // <http://bml.ucoz.ru/vipusk7/KRAX2-INTERNATIONAL.htm> (appeal date 07/07/2018).
7. *Leontiev K.N.* About Worldwide Love // Temple and Church: Writings. M. 2003.
8. *Seleznev Yu.I.* Dostoevsky M., 1981.
9. The World of Russia – Eurasia: Anthology. M., 1995.
10. *Fedotov G.P.* Collected Works: In 12 vols. Vol. 2: Articles of the 1920s-1930s from the journals "Way", "Orthodox thought" and "Bulletin RCHSD". M., 1998.
11. *Florovsky G.V.* Ways of Russian theology. M., 2009.

11 декабря 2018 г.
